

О СЕМЬЕ

Природа устроила так, что одно из самых ответственных и священных призваний человека - быть отцом и матерью - делается для человека доступным просто при минимальном телесном здоровье и половой зрелости, так что человеку достаточно этих двух условий для того, чтобы не задумываясь возложить на себя это призвание. Вследствие этого утонченнейшее, благороднейшее и ответственнейшее искусство на земле - искусство воспитания детей - почти всегда недооценивается. К нему и доселе подходят так, как если бы оно было доступно всякому, кто способен физически рожать детей...

Бывают эпохи, когда эта небрежность, эта беспомощность, эта безответственность родителей начинают возрастать от поколения к поколению. Это как раз те эпохи, когда духовное начало начинает колебаться в душах, слабеть и как бы исчезать; это эпохи распространяющегося и крепнущего безбожия и приверженности к материальному, эпохи бессовестности, бесчестия, карьеризма и цинизма. В такие эпохи священное естество семьи не находит признания и почета в человеческих сердцах; им не дорожат, его не берегут, его не строят. Тогда в отношениях между родителями и детьми возникает некая пропасть, которая, по-видимому, увеличивается от поколения к поколению. Отец и мать перестают понимать своих детей, а дети начинают жаловаться на абсолютную отчужденность, водворившуюся в семье.

Это явление объясняется совсем иначе, а именно заболеванием и оскудением человеческой духовности и в особенности духовной традиции. Семья распадается вследствие переживаемого человечеством духовного кризиса...

Человеческая семья, в отличие от «семьи» у животных, есть целый остров духовной жизни. И если она этому не соответствует, то она обречена на разложение и распад. История показала и подтвердила это с достаточной наглядностью: великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются прежде всего в разложении семьи...

Человек призван к тому, чтобы видеть и любить в любимой женщине (или соответственно в любимом мужчине) не только плотское начало, но и душу, — своеобразие личности, особливость характера, сердечную глубину, для которых внешний состав человека служит лишь телесным выражением или живым органом. Любовь только тогда не является простым кратковременным вожделением, непостоянным и мелким капризом плоти, когда

человек, желая смертного и конечного, любит скрытую за ним бессмертность и бесконечность; вздыхая о плотском и земном, радуется духовному и вечному; иными словами, когда он Божиими лучами освещает и измеряет любимого человека... В этом глубокий смысл христианского венчания, венчающего супругов венцом радости и муки, венцом духовной славы и нравственной чести, венцом пожизненной и нерасторжимой духовности общности. Ибо вожделение может быстро пройти; оно бывает подслеповатым. И предчувствовавшееся наслаждение может обмануть или надоесть. И что тогда? Взаимное отвращение прикрепленных друг к другу людей?.. Судьба человека, который в ослеплении связал себя, а прозрев, — проклял свою связанность? Пожизненная унижительность ежедневной лжи и лицемерия? Или развод?

Поэтому семья оказывается как бы естественною школою христианской любви, школою творческого самопожертвования, социальных чувств и альтруистического образа мыслей.

Далее, семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию. Ребенок учится в семье верному восприятию авторитета. В лице естественного авторитета отца и матери он впервые встречается с идеей ранга и научается воспринимать высший ранг другого лица, преклоняясь, но не унижаясь; и научается мириться с присущим ему самому низшим рангом, не впадая ни в зависть, ни в ненависть, ни в озлобление... Только свободное признание чуждого высшего ранга научает переносить свой низший ранг без унижения; и только любимый и уважаемый авторитет не гнетет душу человека.

Само собой разумеется, что только здоровая семья может верно разрешить все эти задачи. Семья, лишенная любви и духовности, где родители не имеют авторитета в глазах детей, где нет единства ни в жизни, ни в труде, где нет наследственной традиции, может дать ребенку очень мало или же не может дать ему ничего.